

«Малый театр — и вся жизнь!..»

Сегодня, когда Елене Николаевне Гоголевой исполняется 90 лет, многим кажется, что она — актриса из легенды. Это на самом деле так — ее имя овеяно легендами. Красивыми, возвышенными, как и она сама. Но ее творчество сейчас, в наши дни, многократно интереснее и богаче самых живописных легенд. И в этом убеждается каждый, кто видел Гоголеву в двух лучших спектаклях Малого театра последнего десятилетия — «Мамуре» и «Холопах» (оба они транслировались по телевидению). Ей, родившейся в 1900 году, есть что сказать нам в последнее десятилетие века. И я с замиранием сердца слушаю ее удивительный по красоте голос, тоже давно ставший легендой, вижу чудесное, неповторимое сияние ее глаз...

— Елена Николаевна, как вы себя чувствуете?

— Великолепно! Правда, погода меняется сейчас непостижимо быстро, как, впрочем, и все остальное в жизни. И оттого какие-то болезни выходят наружу. Но страстно хочу на сцену! «Холопов» играла бы каждый вечер — ведь это для меня сейчас вся жизнь. Так досадно, что Малый театр закрыли на ремонт, а сцена филиала не вмещает декораций этого спектакля. Предлагают, правда, играть на сцене ЦАТСа, главный режиссер которого Леонид Хейфец, проработавший в Малом театре несколько лет, хорошо к нам относится. Как не оценить его благодарства, когда вокруг сплошные разговоры и никто не хочет помочь. Боюсь только, что невозможно перенести этот спектакль на огромную сцену Театра Советской Армии. Он может потеряться там и никогда не зазвучит больше так, как мы его играли и как он был задуман.

— Но ведь есть еще и другие театры?..

— Видимо, из-за двух девяностолетних стариков — меня и Анненкова, играющих главные роли в «Холопах», никто не хочет «ломать копья» и добиваться чего-то. Хотя громких слов и про нас, и про этот спектакль говорят много: «Это все, что осталось от Малого театра... Это достояние русской культуры...» Знаю, к юбилею будут говорить еще больше. Слова, слова... Благо, это не первый мой юбилей... Только что звонил наш директор Виктор Коршунов, спрашивал, когда можно будет приехать меня поздравить. А я говорю, что отмечать юбилей буду только на сцене Малого театра, которому отдала всю жизнь. А пока он не отремонтирован, ни о каком праздновании в другом здании и речи быть не может.

— И все же разрешите вас поздравить от имени газеты, от имени наших читателей и пожелать доброго здоровья, счастья в творчестве...

— Мне предложили сейчас несколько вводов. Кто-то в театре заболел, а кто-то собрался на пенсию, но мои возможности, к сожалению, тоже ограничены: несколько лет назад сломала шейку бедра и сейчас почти не могу ходить. Поэтому не играю «Мамуре» — спектакль, который очень люблю. Начали репетировать пьесу Генри Джеймса по письмам Байрона, но тут заболел и поехал в больницу Борис Александрович Львов-Анохин, режиссер спектакля. И теперь я сижу без работы...

— А, кроме Львова-Анохина, в Малом театре разве нет режиссеров?

— Я считаю, что нет! Со времен Ленского, который, в общем-то, и был родоначальником русской режиссуры, Малому театру на режиссеров не везло. Замечательно репетировал Марджанов «Дона Карлоса» Шиллера, но это было еще в 20-е годы. Позже приходили в наш театр талантливые люди, например, Борис Равенских, Евгений Симонов, Леонид Хейфец, но я так и не почувствовала органичной связи их режиссуры с искусством Малого театра. Борис Александрович Львов-Анохин стал неожиданным и удивительным исключением. Его стиль работы уникален и рассчитан на опытных артистов, которым не надо объяснять основы актерского мастерства. Репетиции Львова-Анохина напоминают скорее лекции, разъяснения на тему предложенной пьесы. Он умеет пробудить фантазию актеров. В общении с ним я узнала много нового. И о себе, как об актрисе, — это в возрасте, когда, как говорится, давно пора на покой. И о многих литературных именах, которые мне до этого не были известны. Такие репетиции как раз в традициях Малого театра. Главное в них — глубже понять пьесу и роль, а Борис Александрович, обладая огромной культурой, опытом и энциклопедическими знаниями, помогал мне именно в этом.

К сожалению, уровень культуры в Малом театре сейчас чрезвычайно низок. Я играю на его сцене с 1918 года, видела всю его послереволюционную

жизнь и очень тяжело переживаю то, что происходит с Малым театром сейчас. У каждого театра бывают спады. Потом блеснет что-то новое, интересное, и театр возрождается. Приходят молодые актеры, режиссеры, которые поднимают его. У нас пока этого нет. И то, что рушатся стены здания, увы, символично. Это касается не только Малого театра, но и всей нашей культуры, которой, в сущности, нет...

В XIX веке Малый считали вторым университетом в Москве, и это не преувеличение. Уровень духа, мысли, глубинное понимание жизни, которое было присуще мастерам Малого театра, позволяли ему быть центром русской культуры. В начале XX века Станиславский создал свою школу, обобщив опыт гениальных актеров именно Малого театра — Щепкина, Ермоловой, Садовских, Федотовой, Ленского... И посмотрите, какие богатые всходы дала эта школа — студии, МХАТ Второй, Театр Вахтангова, Мейерхольда... Говорили, что Малый театр не может принять творчества Мейерхольда, но это не совсем так. Я, например, будучи молодой актрисой, смотрела все спектакли у Мейерхольда, потому что там было что-то новое и очень нужное для меня. Малому театру не были свойственны такие постановочные изыски, но стиль и уровень игры многих актеров Мейерхольда был нам близок. Например, Бабановой или Ильинского, который, кстати, и пришел наконец к нам, став ведущим актером. А спектакль Мейерхольда «Дама с камелиями» вполне можно было представить на сцене Малого театра без всяких изменений.

В самом Малом театре долго были живы традиции «золотого» XIX века. Я отношусь сюда не только индивидуальное искусство того или иного мастера, но и удивительное отношение к делу и друг к другу. Ведь театральных училищ или институтов, которых так много сейчас, в XIX веке не было совсем. Была только Государственная Балетная школа, которую, например, окончила Ермолова. Мастерство передавалось из поколения в поколение — от более опытных актеров молодым. Чем сейчас вынуждены заниматься режиссеры? Созданием коллектива единомышленников — то есть они пытаются объединить группу разрозненных людей, часто безразличных и к работе, и к товарищам. В Малом театре раньше такого и быть не могло. Доброжелательное, заинтересованное отношение к партнеру являлось нормой. У нас не было «писаных» законов, таких, как, скажем, система Станиславского, но каждый крупный артист обладал абсолютным чувством сценической правды. Было естественным подойти к молодой актрисе и сказать: «Душечка, подумайте, у вас здесь что-то не получается...» И молодые прислушивались. Ведь создание актерского ансамбля начинается с умения слушать друг друга в жизни. Такую атмосферу в Малом театре я еще застала, а сейчас некоторые могут пройти мимо в коридоре и не поздороваться, да просто не заметить...

Раньше существовали традиции определенного подбора в Малый театр. Южин познакомил меня с Ермоловой, Лешковской, Садовской.

Я дочь офицера царской армии. Папа был тяжело ранен в войне 1904 года, и потому меня приняли на казенный счет в институт благородных девиц. В сущности — это та же самая гимназия, с той же программой, но с

некоторыми дополнениями: нас готовили в светское общество, следовательно — обучали манерам, умению держать себя. Гимназисты имели более обширную программу языков, точных наук. Однако владеть французским, немецким и в меньшей степени английским мы тоже должны были обязательно.

В театр я пришла потому, что моя мама была необыкновенная театралка. Малый театр в нашей семье страстно любили. МХАТ мы признавали, но приоритет всегда отдавался именно Малому. Я поступила в Филармоническое училище, теперешний ГИТИС. Там были драматические курсы, музыкальные, композиторский класс, оперный класс. Мы близко соприкасались с консерваторией, и меня прочили на фортепианное отделение, но я хотела только в Малый театр.

— Как в вашей семье отнеслись к революции?

— Папа был ранен, как я уже сказала, и подал в отставку. Но продолжал ходить в форме и носить погоны. Как-то, мы жили тогда в районе Зубовской площади, к нему подошли несколько человек и сказали, чтобы он снял погоны. «Я не могу этого сделать», — сказал папа, — снимите их с меня сами...» С него сняли погоны, но не тронули.

Зато в театре некоторые работники цехов, например, перестали здороваться с артистами и были настроены явно враждебно. А отношение правительства к Малому театру было хорошее. Вы же знаете ленинский указ о присвоении Ермоловой звания народной артистки РСФСР?.. И позже нас не обходили вниманием. Правда, были не только поощрения. Так, например, отличный режиссер мхатовской школы Илья Судаков ставил у нас пьесу А. Толстого «Орел и орлица» на историческую тему. Но спектакль был разнесен в лух и прах. После этого Судакова сняли, и Прову Михайловичу Садовскому пришлось полностью переделать спектакль, изменив название на «Иван Грозный». Еще одно вмешательство правительства сыграло для Малого театра, я считаю, роковую роль. Тогда было расформировано несколько театров: МХАТ 2-й, Камерный, театр Корша. И вот из последнего половина труппы перешла в Малый театр. Среди них были прекрасные артисты: Блюменталь-Тамарина, Владиславский, Межинский. Но найти общий язык с актерами Малого театра им так и не удалось. Начались интриги, борьба, практически произошел раскол. Ленский, Южин обладали удивительным чутьем на то, что назвали бы сейчас психологической совместимостью того или иного артиста с труппой Малого театра. Они умели выбирать людей. Именно поэтому ядро театра, созданное ими, сохранялось долго. В него входили новые люди, кто-то уходил. Но с приходом группы артистов из театра Корша внутреннее равновесие было нарушено, и восстановить его уже никто не смог...

— Кто из современных режиссеров вызывает у вас наибольший интерес?

— Я была влюблена в режиссуру Товстоногова и мечтала с ним поработать. Шел разговор о его постановке в Малом театре, но это так и не осуществилось.

— Вы часто общаетесь с молодежью?

— Часто. И очень это люблю.

— О чем вы разговариваете, если не секрет?

— О театре, иногда о политике.

— Вы интересуетесь политикой?

— Признаться, от этой темы я немножечко устала. Больше всего — от обилия планов и отсутствия результатов. Как большинство, я восприняла перестройку с надеждой, энтузиазмом, сейчас же боюсь, как бы аморфность нашего правительства не обернулась в дальнейшем необходимостью слишком жестких мер. Надо более решительно вводить в правительство молодых. Знаю по себе, что людям пожилого возраста свойственны, увы, излишняя осторожность и консерватизм...

Разговор все продолжался и продолжался. И я подумал, что сейчас, в конце двадцатого века, ее устами с нами говорит та великая, во многом забытая и утраченная, но бессмертная Русская Культура. И пусть легенды о наших великих актерах передаются из поколения в поколение, но ничто и никогда не сможет заместить счастья живого общения с ними...

К. ЛАКАРОВ.